

В толпе, под пристальными взглядами окружающих, Е Фаньсин улыбнулся, про себя отметив, что теперь, вероятно, не придётся висеть на фонарном столбе. Глубоко вдохнув холодный воздух, он по памяти начал определять своё местоположение в Имперской столице, окутанной сумраком ночи.

Внезапно с неба, где парили меха, на город обрушились лучи света. В ярком белом сиянии заснеженный город казался парящим в облаках. Многие из толпы подняли головы, ощущая тепло и яркость, которые разгоняли каждую тень в уголках города.

Когда-то, в финале истории, он видел подобный свет. На озере, где были видны звёзды, его отправили в будущее. Сейчас этот свет не предназначался никому конкретно — это была просто рутинная операция мехов, патрулирующих город.

Но этот свет осветит его путь домой.

В заснеженной Имперской столице люди вдруг заметили белокурого юношу в белой рубашке, который побежал вперёд. Его рубашка развевалась на ветру, словно крылья птицы, вырвавшейся из клетки, готовой в одно мгновение показать миру свою жизненную силу.

В вихре истории, накануне реформ в Крилее, последней, не вступившей в Альянс STARS, жители столицы запомнили образ юноши, бегущего против толпы, с улыбкой на лице.

Кто-то утверждал, что видел, как у него выросли крылья, и что бог обязательно заберёт своего верующего в рай. Другие считали его представителем обедневшей королевской семьи, чья радость, словно сказка, заражала тревожных людей.

Некоторые говорили, что видели, как он на возвышении срезал золотую розу, символ королевской семьи, под доброжелательный смех толпы.

Среди тепло одетых людей он поднял своё привлекательное лицо, и они клали ему в руки конфеты, оставшиеся после Хэллоуина. В эту ночь он был самым счастливым человеком на свете. Этот юноша, подобный свободной птице, искренне верил в будущее и с нетерпением ждал грядущих перемен.

— Господин, отойдите, пожалуйста!

— Мы никогда не согласимся с Кабинетом министров и премьер-министром...

Крики протестующих у башни Кабинета министров разносились по небу. Их оптические компьютеры освещали стеклянные здания вдали. В холодную ночь их лица были красными или бледными, а голубой свет экранов отражался в их глазах.

Солдаты, стоящие на краю толпы, изо всех сил старались поддерживать порядок. Молодые

бойцы давно не спали спокойно. После серьёзных изменений в Кабинете множество указов, принятых императором и премьер-министром, были проведены вопреки возражениям.

Сначала выстрелы раздавались по всей Крилее, на каждой планете происходили нападения. В условиях повышенной бдительности премьер-министр жёстко очистил Кабинет, и, наконец, ситуация стабилизировалась.

Когда Цзян Юньди вышел, шум толпы усилился. Чтобы удержать разъярённых людей, солдатам пришлось громко кричать. В Имперской столице было полностью запрещено ношение опасного оружия, но угроза всё ещё таилась в тени.

Премьер-министр, с серебряными волосами, собранными в пучок, и привычной улыбкой на лице, выглядел так же, как и тогда, когда казнил десяток членов Кабинета.

— Господа, перед наступлением светлого рассвета я советую вам хорошо выспаться, — с сарказмом произнёс Цзян Юньди, его черты лица были изысканны, а слова звучали приятно, но язвительно, как и подобает настоящему политику. — Ведь реформы не предоставляют вам возможности спать днём вместо работы.

В зимней ночи столицы белокурый юноша продолжал бежать, его шаги, подобные полёту птицы, освещались светом, падающим с высоких зданий.

— Даже наши солдаты вынуждены работать в ночное время, — холодно улыбнулся премьер-министр, не оставляя места для сантиментов. — И мне приходится отрываться от государственных дел, чтобы успокоить ваши хрупкие, плачущие души. Если вы думаете, что этим сможете остановить грядущие события, то глубоко ошибаетесь.

Среди бушующей толпы премьер-министр опустил взгляд, его лицо оставалось спокойным, несмотря на окружающие оскорбления и проклятия. Находясь в центре мира, он уже не был тем юношей, который мог растеряться.

— Мы хотим видеть императора! — раздался резкий крик из толпы. — С тех пор, как он взошёл на трон, мы его ни разу не видели. Неужели Кабинет держит молодого императора под замком, используя его имя для своих абсурдных действий...

Цзян Юньди посмотрел в сторону кричавшего, его лицо стало холодным, как у волка, а на губах застыла насмешка. — Ты не достоин упоминать его. Ради, — он напрягся, сдерживая эмоции, — ради будущего Крилеи я потерял многое. Она движется к свету на рассвете. Слушайте, ваши слёзы здесь ничего не изменят, но я приветствую любого, кто через будущие выборы сможет изменить эту галактику.

Чем глубже ночь, тем ближе рассвет. Это была ночь, подходящая для воссоединения — свет, падающий на снег столицы, делал его тёплым, а бунты и протесты казались частью праздничной атмосферы Нового года.

Внезапно в толпе возникла суматоха, словно тонкий снег, попавший в кипящую воду, быстро растаял, и люди расступились. Юноша с золотыми волосами и в белой рубашке, подобный птице, легко пролетел сквозь оцепление солдат.

Люди замерли, боясь, что его оттолкнут или повалят на землю, но солдаты расступились, образовав узкий проход, а затем плотно окружили его, защищая, пока он шёл к премьер-министру, ускоряя шаг.

Наконец, кто-то вспомнил это лицо по редким сообщениям в сети и воскликнул:

— Это император!

Е Фаньсин шагал уверенно, его красивое лицо то появлялось, то исчезало в свете города, а тело было окутано холодом ночного ветра, но в его глазах горела яркая улыбка. Под пристальным взглядом толпы премьер-министр на мгновение замер, а затем крепко обнял подошедшего юношу.

Прошло восемь лет, и теперь сдержанный премьер-министр слегка потерял самообладание. В голубом свете множества оптических компьютеров, снимающих его, он снова выглядел растерянным, как много лет назад.

— Я потерял многое, — прошептал Е Фаньсин в этом тёплом объятии, его дыхание превращалось в белый пар, а долгий путь по ледяной пустыне казался романтическим началом истории, — но не тебя.

Цзян Юньди молча обнял своего найденного юношу, словно повторяя движения, которые он оттачивал с подросткового возраста. Ещё мгновение назад премьер-министр был готов спорить со всем миром, насмехаясь над всеми. Но сейчас он снова обнял свой мир, и его лицо смягчилось.

Когда шум толпы снова поднялся, а офицеры сбивали оптические компьютеры, снимающие с неба, его сердце всё ещё билось учащённо.

— Тогда я ничего не потерял, — сказал Цзян Юньди.

Цзян Юньди уже всё уладил, с решимостью идти до конца. Крилея стремительно менялась, реформы продвигались с железной волей.

Е Фаньсин сидел у окна, ради безопасности здесь не было видно ночного неба. Недавний путь был слишком рискованным, и теперь он держал в руках чашку чая, приготовленного премьер-министром, просматривая предложения и изменения в Кабинете.

— Прости, я думал, что ты... — премьер-министр, играя с зелёным стеклянным шариком, пытался успокоить нервы, неуверенно объясняя. — Может, я вёл себя слишком

эмоционально, но это нормальная реакция.

Е Фаньсин вспомнил, как тот не хотел отпускать его на глазах у всех, и смущённо заметил:

— Не просто эмоционально, а так, будто ты только что вышел из школы, ослеплённый неожиданной радостью.

<http://bllate.org/book/15566/1385426>